

07.09.2006

Умные, но бедные

В России средним классом стали не профессора и врачи, а строители и водители

РОМАН ДОБРОХОТОВ, ДМИТРИЙ МИГУНОВ

Вплыть в светлое будущее многие россияне мечтают на таких яхтах.

Фото: ВЛАДИМИР МАШАТИН

Бюро переписи США подсчитало, что 37 млн. человек или 12% американского населения живут в бедности. Эти цифры – просто подарок для российских политиков, которые любят говорить о том, как много бедняков в Америке. Правда, наши патриоты замалчивают любопытную деталь: американцы считают бедными граждан с заработком менее 20 тыс. долл. в год – это шестеро выше, чем средняя годовая зарплата в России – 3624 доллара.

Выходит, что даже крепкий средний класс в России по западным меркам – беднота. Есть и еще одно существенное различие, о котором также умалчивают отечественные критики Америки: самые «нищенские» профессии в России оплачиваются в США наиболее высоко.

Тем, что средняя зарплата в России почти в 10 раз ниже, чем в США, никого не удивит. Поражает другое: нищенствующим слоем населения в нашей стране оказались те, кто в западных странах считается более чем средним – хорошо обеспеченным классом.

Журнал Money провел исследование, в ходе которого определил 10 лучших профессий. В этот список вошли специальности программиста (средняя зарплата составляет 80,5 тыс. долларов в год), профессора, преподающего в вузе (81,5 тыс.), ассистента врача (75 тыс.), фармацевта (90 тыс.), психолога (66,5 тыс.), финансового консультанта (122 тыс. в год), специалиста по кадрам (73, 5 тыс.), менеджера по маркетингу (82, 5 тыс.), фармацевта (90 тыс.) и IT-

администратора (83 тыс.). Профессии выбирались по разным критериям, и зарплата только один из них. Исключительно по критерию заработка в лидеры выбились терапевты и хирурги: их годовой доход составляет в среднем 247 тысяч долларов. Узнали бы об этом российские терапевты, дело бы кончилось, по меньшей мере, массовыми волнениями. Средняя зарплата терапевта в России, даже невзирая на наличие громкого нацпроекта «Здоровье», не превышает и 15 тыс. руб. в месяц (это около 4,7 тыс. долл. в год). Еще ниже заработок двух медицинских профессий из американской «золотой десятки»: фармацевтов и ассистентов врача, а средняя зарплата работников здравоохранения, по данным Росстата, составляет 5857 руб. в месяц. Разницу в ценах тут можно даже не учитывать, паритет покупательной способности различается в 2,2 раза, а зарплаты – в 20–30 раз.

Работать медиком в США доходно, а профессором в университете еще и престижно. Если же профессор достигает уровня заведующего кафедры и является уважаемым доктором наук, он уже переходит из среднего в высший класс, достигая заработка в несколько сотен тысяч долларов в год. Тем временем в России профессор МГУ, будучи доктором наук и заведующим кафедрой, получает сегодня со всеми надбавками 12 тыс. руб. Создается парадоксальная ситуация, когда высокопрофессиональные специалисты, иногда с мировым именем, получают даже по российским меркам мизерную зарплату, меньше, чем водитель трамвая, который за нажатие одной педали зарабатывает 15 тыс. руб. в месяц.

Даже обычный учитель в США получает 4 тыс. долларов, что на 1 тыс. выше средней зарплаты в стране, – и это понятно, ведь он обладает некоторыми специальными знаниями. В России же средняя зарплата в области образования, по данным Росстата, менее 6 тыс. рублей, что почти вдвое ниже средней зарплаты.

Этот дисбаланс смешивает все понятия. Специалисты в области экономики и социологии часто жалуются на малочисленность среднего класса в России, а тем временем 80% россиян, согласно опросу ВЦИОМ, сами себя к среднему классу и причисляют. Что же такое сегодня средний класс?

Почти все россияне готовы отнести себя к среднему классу.

Определять его можно по разным критериям. Директор института «Всероссийский центр уровня жизни» Вячеслав Бобков предпочитает имущественный критерий, включающий доходы и жилищные условия. Как сообщил «НИ» эксперт, согласно его исследованиям, к среднему классу можно отнести 12,2% россиян: «У нас в среднем классе оказались работяги, например строители, тогда как бюджетники с высшим образованием – врачи, учителя – из этой страты выпадают. Если бы в исследование включить такие позиции, как образовательный уровень и самоидентификацию, как это часто делается, то количество представителей среднего класса у нас оказалось бы еще меньше».

Иные подсчеты провел в этом году Институт социологии РАН, который как раз учел все критерии: самоидентификацию, имущественное положение, образование и социально-профессиональный статус. Получилось, что в средний класс можно зачислить более половины населения – 60%.

Свое определение «НИ» дала Наталья Тихонова, замдиректора по научной работе Института социологии РАН и заведующая кафедрой социально-экономических исследований ГУ ВШЭ: «Понятие среднего класса с зарплатой вообще не связано, оно появилось в поздний индустриальный период, когда быстрое развитие третьего сектора привело к массовому распространению профессий, где важны не средства производства, а человеческий капитал – они-то и сформировали средний класс. Заработок среднего класса зависит от двух факторов: уровень человеческого капитала и уровень развития рыночной экономики. В западных странах уровень зарплат определяет рынок, а государство подтягивает оплату труда к рыночной, хотя бюджетники всё равно получают чуть меньше, зато имеют больше социальных гарантий. В России же частный сектор настолько неразвит, что зарплаты попросту не к чему подтягивать, о конкуренции тут говорить не приходится».

Человеческий капитал в России, по мнению эксперта, тоже оставляет желать лучшего: «Да, наши терапевты получают значительно меньше американских, но какова их квалификация? Недавно Минздрав проводил общенациональное исследование и выяснил, что российский терапевт, выписывая рецепты, в среднем оперирует 40 наименованиями. В тех же США терапевты не только работают с тысячами наименований, но и в курсе тенденций последнего полугодия. А профессора в вузах? Да я бы большинство из них поувольняла, им не зарплату надо платить, а еще и деньги с них брать: что это за преподаватель, который не умеет пользоваться компьютером и Интернетом? Есть у нас, конечно, неплохие специалисты, например, в области математики – но большинство областей, скажем, преподавание языка, в России очень значительно отстает». По мнению многих экспертов, изучающих рынок рабочей силы в России, изменить ситуацию может масштабное развитие частного сектора и одновременно масштабные инвестиции в человеческий капитал. Если же выполнить только одну из задач – просто повысить уровень зарплат тем же учителям, в школы пойдут преподавать «всякие бабы Маши, которым нельзя доверять и пол вымыть». А пока обе эти задачи не значатся даже в национальных проектах, мыть полы так и будут профессора.

ВЫ ОТНОСИТЕ СЕБЯ К СРЕДНЕМУ КЛАССУ?

Антон КОМОЛОВ, телеведущий:

– Вообще-то вопрос не очень корректен, потому что существует масса определений представителя среднего класса. Согласно одним, они могут составлять 50% процентов от общества, другим – всего лишь 2%. Но в принципе, раз уж у меня есть машина

среднего класса, то, видимо, я к нему и отношусь.

Михаил ТАНИЧ, поэт-песенник:

– Я не понимаю разделения нашего общества на классы. У нас есть богачи, которые нахватили себе денег, и все остальные – бедняки. Я болтаюсь где-то между ними, но к среднему классу себя не отношу. Я с трудом, честно говоря, догадываюсь, что это вообще такое.

Леонид РОШАЛЬ, директор НИИ детской хирургии и травматологии, член Общественной палаты:

– Про себя я не стану говорить, но основное число медработников надо относить к бедному классу. К примеру, ординаторы и научные сотрудники в средний класс, к сожалению, пока не попадают. Пожалуй, от общего числа медицинских работников только 7–10% можно было бы отнести к среднему классу, во всяком случае, если мы говорим о государственной медицине.

Россия считается особенной

7 февраля 2007, 17:03

Фото: ИТАР-ТАСС

Текст: Анастасия Никифорова

Почти половина россиян видит в Европейском союзе угрозу, свидетельствуют данные последнего опроса. Россияне не считают себя европейцами и не считают, что должны интегрироваться в Европейское сообщество, поскольку РФ развивается по собственному, особенному пути. Правда, жители Германии также негативно относятся к Евросоюзу.

Данные нового опроса свидетельствуют: почти половина россиян видит угрозу в Европейском союзе.

«Большинство россиян полагает, что бывшие

прибалтийские республики СССР являются

недружественными России странами»

Согласно результатам исследования 75% считают Россию особенной и думают, что ей необходимо идти по собственному пути развития, еще 15% опасаются потери страной политической независимости. А Евросоюз, по мнению опрошенных, может угрожать потере Россией другой независимости – финансовой и промышленной – такого мнения придерживаются 25% граждан.

Большинство россиян полагают, что бывшие Прибалтийские республики СССР – Латвия, Литва и Эстония, – ныне входящие в состав ЕС, являются недружественными России странами, а 22% видят в Германии лучшего друга РФ.

Впрочем, треть опрошенных сказала, что воспринимает европейские страны в качестве соседей и партнеров, с которыми необходимо укреплять и развивать долгосрочные отношения, а 29% считают ЕС основным торговым партнером, цитирует результаты опроса Reuters.

Опрос проводился Левада-центром по заказу Центра ЕС – Россия. Кроме вышеуказанного, 71% из почти 2 тыс. опрошенных россиян заявили, что не считают себя ни европейцами, не евразийцами, – отсюда, видимо, и представления об особенном пути РФ.

Такие данные об отношении россиян к Европейскому союзу в общем не удивительны. Весной прошлого года эксперты Левада-центра уже отмечали, что граждане РФ воспринимают ЕС скорее негативно. Однако весной социологи объяснили такую оценку определенной причиной – она во многом была связана с негативным восприятием многими россиянами критической резолюции ПАСЕ в адрес тоталитарных коммунистических режимов.

Тогда на вопрос: «Слышали ли вы о резолюции с осуждением преступлений тоталитарных коммунистических режимов, вынесенной две недели назад Парламентской ассамблеей СЕ, и, если да, как вы относитесь к этой резолюции?» – 1,5% респондентов ответили «целиком положительно», 8% – «скорее положительно», 13% – «скорее отрицательно», 7% – «резко отрицательно».

Интересно, что согласно итогам другого опроса, проводившегося некоторое время назад, жители страны – лучшего друга, Германии, также видят Европейский союз как недружественное им объединение. Так, Deutsche Welle сообщала ранее, что большинство немцев видят в Европейском союзе экономическую и социальную угрозу.

В частности, 84% немцев опасаются переноса производства из ФРГ в страны Евросоюза с низкой оплатой труда, а 64% граждан Германии считают серьезной проблемой снижение социальных стандартов и уменьшение объема социальных услуг.

Евросоюз в целом воспринимается значительной частью немцев не как инструмент для решения проблем, а в большей степени как часть негативного развития. Примерно половина опрошенных высказала мнение, что дальнейшее расширение ЕС может привести к экономическому кризису.

«Московский комсомолец».

Петухов В. В., директор по исследованиям ВЦИОМ. Из выступления на круглом столе в Московском центре Карнеги.

Ёжик в тумане

Средний класс в России: не было и не будет?

Валентине Ивановне Рыбкиной 48 лет, она преподает физику в саратовской школе, получает ежемесячно 120 долларов и считает себя типичным представителем среднего класса. Валерию Махнову — 32. Он, что называется, “селф мэйд мен”: высшего образования не имеет, но зато у него есть небольшой бизнес, приносящий доход около 1000 долларов в месяц. “Конечно, я — средний класс, — уверенно говорит Валерий. — А кто ж еще? Уж не богатый и не нищий — это точно!”
Поиски среднего класса в России превратились в навязчивую идею. Ищут ученые, ищут политики... Но найти ничего определенного пока не могут. Вопрос, сколько их, “средних”, по-прежнему остается открытым. А значит, власть не может быть уверена ни в успехе нынешних реформ, ни в реальности своих прогнозов на будущее.

Битва за показатели

Средний класс в России пытаются отыскать с середины 90-х годов. Первые попытки нащупать важную в социальном и экономическом смысле прослойку относятся к президентским выборам 1996 года, когда власть схлестнулась с мощной “левой” оппозицией. Чиновники настаивали: средний класс в России есть. А это значит, что, несмотря на болезненные реформы, первые 5 лет правления Ельцина были в целом успешными. Коммунисты доказывали, что средний класс в России, напротив, практически уничтожен — это и есть основной результат правления “антинародного режима” Ельцина.

Самое интересное, что и те, и другие по-своему правы. Оценка судьбы среднего класса зависит исключительно от выбранного критерия. Это на Западе все признаки “середнячков” взаимосвязаны: хорошее образование гарантирует человеку высокую конкурентоспособность на рынке труда и как следствие — высокие доходы. У нас диплом педагогического вуза обеспечит выпускнику разве что жареную картошку и кусок хлеба на ужин. Зато люди, с трудом окончившие 8 классов, могут позволить себе разъезжать на “Мерседесах”. Наш средний класс, как и саму Россию, “аршином общим не измерить”.

Часть социологов основным критерием считает материальное благосостояние. Неважно, где ты учился и что думаешь о творчестве Шагала, главное — сколько ты получаешь и как расходуешь имеющиеся средства. “Джентльменский” имущественный набор представителя среднего класса — хорошая квартира или дом, машина, вся необходимая бытовая техника, наличие сбережений, отпуск за границей, дети в платной школе и т.п.

Чтобы позволить себе все вышеперечисленные радости, человек должен обладать суммой от 10 до 20 тысяч \$ на семью ежегодно. Таких, уверяют социологи, в стране не более 3 млн. семей, или всего 6% населения.

Понятно, что власти такой чисто экономический критерий определения численности среднего класса категорически не устраивает. Уж слишком ничтожный в масштабах страны получается результат! В исследованиях федеральных институтов главный упор делается на социально-профессиональный статус, а имущественный ценз сознательно занижается.

Так, например, Федеральная служба госстатистики относит к среднему классу семьи с душевым доходом 100—130 долларов в месяц. Это уже совсем иной уровень материального благосостояния, а в Москве — и вовсе смешные деньги. С такой зарплатой москвичи еле-еле сводят концы с концами, и уж конечно, не могут позволить себе жить по общепринятым для среднего класса стандартам. Однако нехитрые манипуляции с цифрами позволяют службе госстатистики существенно улучшить показатели независимых экспертов: согласно последнему отчету государственных статистиков, к среднему классу в России относится примерно 20% населения.

Но и это, оказывается, еще не предел! Социолог Владимир Петухов считает (и в этом с ним

соглашаются многие коллеги), что главным критерием классовой принадлежности должна быть самоидентификация. Если сам человек считает себя “средним”, то никто, включая государство, не может навязывать ему свои стандарты оценки. “В России есть 10% супербогатых и 10% супербедных, — рассуждает Петухов, — а остальные 80% почти ничем друг от друга не отличаются”. До кризиса 1998 года средним классом сами себя называли более 50% граждан. В 1998—1999 — 30%. Сейчас оптимизма у народа прибавилось, и мы снова вышли на докризисный уровень.

Какой из вышеназванных оценок придерживаются в Белом доме, стало ясно после опубликования “Программы социально-экономического развития России на 2005—2010 годы”. Одной из главных задач в этом документе названа борьба с бедностью и, как следствие, рост прослойки среднего класса с нынешних 20% до 50—60%. Все эти люди, по мысли чиновников, будут иметь доход, в 6 раз (!) превышающий прожиточный минимум.

Мода на миди

Итак, средний класс у нас есть. И хотя его количество пока не поддается единодушной оценке, начиная с 2000 года его пристально исследуют и описывают. США и Европу российский средний класс интересует по той же самой причине, что человекоподобные обезьяны: хочется поближе узнать свое далекое прошлое. Для России это не только любопытно, но и принципиально важно.

Быть богатым хорошо прежде всего для самых богатых. Быть бедным — одинаково стыдно и для государства, и для человека. Ну а средний класс во всех теориях выступает прямо-таки спасителем Отечества. Как русская женщина — и коня на скаку остановит, и в избу горящую войдет, и на пути социальной нестабильности костями ляжет.

Социологов не смущает, что они сами приписывают среднему классу противоположные черты. С одной стороны, он выступает проводником реформ, а с другой — их прямым наследием. Это сила, которую следует всячески активизировать, и одновременно широкая платформа, на которую можно опереться. “Возникает образ социальных слоев, которые смогут буквально все и сразу, — указывает московский социолог Вадим Радаев. — Налоги заплатят по высшей мере и одновременно поднимут эффективный спрос на потребительских рынках, разовьют собственный малый бизнес и обеспечат прилив желанных инвестиций. Вдобавок и проголосуют за нужные политические фигуры”. Что здесь миф, а что правда — разобраться совсем непросто.

Источником практических сведений о представителях среднего класса в России служат исследования под общим названием “Стиль жизни среднего класса”, которые РОМИР-мониторинг совместно с журналом “Эксперт” проводят уже в течение 5 лет. В ежегодных опросах участвуют около 4000 семей в 20 крупных городах страны, включая Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень, Саратов и т.п. В качестве основного критерия отбора авторы исследования избрали самый очевидный — уровень доходов. Причем, в отличие от Федеральной службы статистики, средними признаны люди, имеющие достаток более 250\$ в месяц на члена семьи. А в Москве — 350\$.

Фейс-контроль и дресс-код

В США и Европе представителям среднего класса традиционно приписывают несколько основных качеств. Но в России пока не все они равноценны.

Активный потребитель. Сберегателем среднего русского можно назвать с большой натяжкой. Ведь его денежные накопления равны полугодовому доходу семьи (приблизительно около 6 тысяч долларов), причем большинство этих денег по традиции лежит в кубышке под матрасом. (Для сравнения: в США накопленные средства граждан вчетверо превышают их годовой доход!)

Средний русский не жалеет денег на еду и одежду, а также на товары “не первой” необходимости. Причем, чтобы удовлетворить свои растущие потребности и даже откровенные капризы, 20% берут потребительские кредиты. Отложенные средства большинство представителей среднего класса впоследствии тратит на отдых и путешествия. Многие отдыхают по два раза в год — зимой и летом, причем за границей. Летом ездят в Турцию, зимой в Египет. Горными лыжами увлекаются лишь те, чей месячный доход переваливает за 1000 долларов (так называемый “верхний средний класс” численностью около 1 млн. чел.): все-таки этот вид спорта позиционируется в России как отдых для богатых. Кроме того, деньги копят “на всякий случай”, “на покупку мебели”, “на квартиру”, “на образование” и “на автомобиль”. Кстати, ожидается, что в

2005 году среди представителей среднего класса будет “бум” на автомобили среднего класса: машина, о которой раньше можно было только мечтать, станет доступнее благодаря выгодным условиям кредита. Чего, увы, пока нельзя сказать о жилье.

Успешный предприниматель и карьерист. Времена, когда “средний класс” отождествлялся с понятием “собственный бизнес”, после “революции менеджеров” канули в Лету. И все-таки в России число наемных сотрудников среди его представителей несколько выше, чем на Западе. Собственный бизнес, как показывают исследования, имеют 15% опрошенных. Однако плох тот “середняк”, кто не хочет стать настоящим капиталистом. О собственном бизнесе для себя мечтают 68% нынешних наемных работников, для детей — более 80%.

Представителям среднего класса проще пожертвовать общением с друзьями, чем успехом и карьерой. Подавляющее большинство может выйти на работу в субботу, “если это нужно для дела” и “поможет карьерному росту”.

Разумный инвестор. А вот с инвестициями пока не очень. Средний русский не следит за котировками акций и почти ничего не знает о состоянии дел на биржах. Он даже к банкам относится с подозрением. 72% опрошенных заявили, что прибегают к их услугам, лишь когда надо платить за квартиру. 48% меняют там валюту. 24% получают деньги на карточки, и подавляющее большинство в тот же день снимает все до копейки. Лишь от 5% до 12% (в сегменте тех, кто имеет более высокие доходы) осуществляли операции с депозитами.

Что касается призывов банков самим накопить себе на старость, представители среднего класса их полностью проигнорировали. Если в Западной Европе услугами банков и фондов пользуются от 30% до 60% населения, то в России 0,001% и меньше. Любопытно, насколько они непритязательны. Респонденты, чей доход составляет 200\$ на члена семьи в месяц, хотели бы получать пенсию в размере 215\$, а те, чей текущий доход вчетверо выше — 800\$ — всего 390\$. Ну да ладно, до старости еще далеко: как показывают опросы, российские представители среднего класса — мужчины и женщины в самом расцвете сил. И больше всего они хотели бы инвестировать в улучшение собственных жилищных условий.

Хотели бы, но пока не могут. Ни по схеме долевого строительства (когда жилье покупается по более низким ценам на стадии котлована), ни при помощи ипотеки. В этом, кстати, одно из основных отличий российского среднего класса от западного. Там “середняки” тоже не могут самостоятельно профинансировать покупку жилья. Но работает ипотека. В Испании, например, более 90% квартир покупаются при помощи банковских кредитов. У нас только 5%. Больше половины представителей российского среднего класса заявляют, что воспользуются ипотекой, если процентная ставка опустится до 6—7%. Но когда это будет, спрогнозировать пока трудно.

Убежденный демократ. Любопытно, как представители среднего класса ответили на вопрос, заданный в ходе исследования ИКСИ РАН: “В каком обществе вы хотели бы жить?” Было предложено всего два варианта ответа: общество индивидуальной свободы и общество социального равенства. За первый высказались 37% опрошенных, за второй — 39%. Казалось бы, ничего неожиданного. Однако если сравнить эти результаты с ответами остальных респондентов, то разница сразу бросается в глаза. За общество социального равенства высказались 56% представителей других социальных слоев, за общество индивидуальной свободы — только 19%.

Главенствующая национальная идея среднего класса — сильная Россия и либерализм. Государство, в котором не попираются основные демократические ценности, а с политическими оппонентами спорят, а не сажают в тюрьму. Около половины опрошенных РОМИР — сторонники демократии по образцу Западной Европы, и только 12% импонируют США.

Гарант политической стабильности. Хотя в России на данный момент нет политической партии, выражающей интересы среднего класса, а протестные настроения очень сильны (порядка 26% “средних” на прошлых выборах голосовали против всех), на улицы идти никто не собирается. Даже если жить станет хуже, к демонстрациям, митингам, голодовкам, вооруженным восстаниям и другим формам протеста внутренне готовы только 15% опрошенных. Большинство будет искать дополнительные источники заработка. Впрочем, в случае появления в России конструктивной оппозиции политика, возможно, всерьез заинтересует представителей среднего класса, о чем наглядно свидетельствует недавний опыт Украины. В оранжевых палатках на Майдане было немало предпринимателей, офис-менеджеров и программистов.

Новые жертвы реформ?

Портрет типичного представителя российского среднего класса нарисовать нетрудно. У него мужское лицо. Ему от 30 до 40 с хвостиком лет. По профессии он с большей степенью вероятности является менеджером, юристом или журналистом, чем квалифицированным рабочим или

преподавателем гимназии. У него есть отдельная квартира, машина, жена и двое детей. Он старательно делает вид, что в его жизни, все о'кей, хотя на самом деле его будущее неопределенно и весьма туманно.

Это на Западе представители среднего класса спят и видят, как стать богатыми. У нас — думают, как бы не стать бедными. А такая перспектива вполне реальна.

Президент велел бороться с бедностью. МЭРТ ответил: "Есть". Правительство обещает, что через 10—15 лет прослойка среднего класса вырастет в 3 раза за счет тех, кто сейчас чуть-чуть не дотягивает до заданных службой госстатистики стандартов. А способствовать этому будет экономический рост.

Увы! Пока теория МЭРТа не подтверждается практикой. Предыдущие два года (очень успешные для российской экономики!) показали: бедных меньше не становится, средний класс не растет. В 2004 году доходы в среднем по стране выросли на 9%. А у бедных — только на 2%. Если бы зарплаты и пенсии не индексировали, эти люди окончательно скатились бы в пропасть нищеты. С помощью выплат и прочих соцпрограмм государство способно лишь поддерживать их нынешний имущественный статус, но как решить проблему бедности, оно не знает.

Зато уже анонсированы другие реформы — ЖКХ, здравоохранения и образования. Богатых это не коснется. Они уже давно сами оплачивают содержание частных домов, обучение детей в элитных школах и медуслуги. Бедных ждут очередные льготы и субсидии. А вот среднему классу не позавидуешь. Именно ему придется заплатить за социальные преобразования, задуманные чиновниками. "Если 3 реформы пройдут одновременно, это может стать тяжелым ударом для среднего класса. Ведь все они предусматривают расширение платности услуг", — рассуждает автор книги "Средние классы в России" экономист Татьяна Малева.

Когда содержание двухкомнатной квартиры будет обходиться в 4 тысячи рублей, обучение ребенка в детском саду в 3 тысячи, а прием терапевта в 500, удержаться в среднем классе с доходом 520 долларов на семью из четырех человек будет весьма затруднительно. "Может статься, что через 5 лет будет не 20% среднего класса, а 10%", — прогнозирует Малева.

Логика властей совершенно не ясна. Или мы создаем средний класс, или проводим жесткие реформы, фактически направленные на его уничтожение. В один присест и рыбку съесть, и на елку влезть, увы, не получится.

Московский Комсомолец, от 13.04.2005

Новый общественный запрос среднего класса

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. Средний класс и трансформация общественного запроса

Рассмотрение проблемы трансформации общественного запроса невозможно, на мой взгляд, без учета тех изменений, которые происходят в обществе, а именно без учета того факта, что в России быстрыми темпами формируется средний класс, достигая по разным оценкам от трети до половины населения страны.

«Срединные слои», безусловно, не монолитны в социальном смысле, да и в политическом и идеологическом тоже. Тем не менее, уже отчетливо просматриваются некоторые типичные черты, свойственные нарождающемуся массовому сословию российских буржуа, которое в аморфном, неструктурированном «срединном» большинстве начинает играть все более заметную роль.

Это, прежде всего, сравнительно невысокий интерес к политике, отчетливо выраженная направленность на частные интересы и индивидуальную самореализацию, конформизм. Отношение к власти скептическое, а иногда и негативное. Однако большинство представителей этих слоев устраивает В. Путин и то, как в целом идут дела в стране. Есть, конечно «болевые точки». Это — проблема бедности, поскольку многие из тех, кто причисляет себя к средним слоям,

в действительности балансируют, что, называется, на грани. Поддерживая идею «капитализма без олигархов», бюрократию, однако, не любят еще больше, чем олигархов. Примерно, такое же отношение к «национальному вопросу» – негативное отношение многих к неконтролируемой миграции в российские города граждан бывших южных республик СССР и, одновременно, боязнь возникновения конфликтов на межнациональной основе. Впрочем, это относится ко всем группам и слоям российского общества. Брюзжание на «кухнях» по поводу «засилья инородцев», сопровождается, тем не менее, согласием 69% опрошенных (против 18%) с необходимостью ужесточить законы против разжигания межнациональной розни.

Важно учитывать, что новые российские буржуа – это миллионы людей со своими привычками, пристрастиями, мировоззренческими установками. Отчетливо видно, что на обслуживание интересов этих групп работает вся индустрия развлечений, книгоиздания, туризма, не говоря уже о телевидении и кино. Понятно, что «виртуальный» образ жизни нового сословия, который все настойчивее презентуется через глянцевого электронные и печатные СМИ всему обществу, симпатичен далеко не всем россиянам. Та бурная реакция, последовавшая за скандалом вокруг Киркорова, свидетельствует о наметившемся серьезном социокультурном расколе, который к тому же приобретает черты поколенческого раскола между остатками интеллигенции и воспитанных уже на образцах массовой культуры новых «средних русских».

В частности, постепенное сокращение информационно-аналитического вещания на центральных каналах – это отнюдь не только «козны» властей. Как показал июньский опрос ВЦИОМ, за такое сокращение в пользу развлекательного вещания высказалось 46%, против – ровно столько же. При этом развлекательное телевидение, как и следовало ожидать, предпочитает молодая, «продвинутая» часть аудитории. Соответственно, каналы, за которыми отчетливо маячат рекламодатели, не могут этого не учитывать. И сегодня то, что происходит на НТВ, лишь завершение процесса, давным-давно запущенного на других центральных каналах.

Думается, что это лишь только начало более серьезного конфликта, который во все большей степени перемещается из сферы политики и идеологии в сферу культуры в широком смысле, включая разное отношение к жизненным стратегиям, пониманию успеха и т. п. Возможно, новый общественный запрос и будет сфокусирован, прежде всего, на стыке ценностных установок, выбора моделей «жизнестроительства», разных вариантов социальной мобильности и достижения успеха.

Пока, как показывают все опросы, у этих групп населения ситуация в стране не вызывает особого беспокойства. Также, как и не вызывает особого интереса проблема «монетизации» льгот, пенсионного обеспечения. Тем не менее, нельзя считать, что политический нейтралитет этих слоев носит безоглядный характер и будет сохраняться при любом развитии событий. В условиях, когда резко возрастает ценность частной жизни, власть должна быть особенно аккуратна в своих социальных инициативах, затрагивающих интересы, в том числе, и людей, которые только-только что называются «выбились в люди». Это касается, прежде всего, проблем в сфере образования, социальной мобильности, карьерного роста, жилья, материального достатка и т. д.

2. Изменения мировоззренческих, идеологических установок

Было бы неправильным считать, что у россиян полностью атрофирована потребность в идеологической и политической идентификации. Вовсе нет. Но она носит «фоновый» характер, не всегда сопрягаясь с конкретными обстоятельствами и условиями бытия.

Так, как показывают наши исследования, россияне ничего не имеют против рыночной экономики и демократии. Одновременно их категорически не устраивала и не устраивает идеология, а главное, практика «построения капитализма» в России. Впрочем, прохладное отношение многие россияне демонстрируют и к знаковым понятиям «левой идеи» («СССР», «коммунизм», «революция» и т. д.), что свидетельствует о том, что и опыт «построения социализма» в России видится отнюдь не в ностальгических тонах. Это, в частности, выяснилось в ходе мартовского опроса ВЦИОМ, когда респондентам было предложено выбрать из 40 понятий, терминов не более 10-ти, которые вызывают у них наиболее позитивные ассоциации. Наибольшее отторжение вызвали такие понятия, как «либерализм», «коммунизм». В числе же наиболее позитивно оцениваемых были отмечены «порядок» (61%), «справедливость» (53%) и «свобода» (43%). Россияне рассматривают их, в отличие от многих аналитиков, не как конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной

степени важные и необходимые для нормальной жизни не только страны в целом, но и отдельно взятого человека.

Интересно и то, что факторный анализ списка понятий и терминов, представляющих собой основную ценностную палитру современного российского общества, с достаточно высокой степенью определенности выявил устойчиво группирующиеся друг с другом понятия (то есть те из них, которые люди в своих ответах называли одновременно) и, соответственно, людей, ориентированных на ценности, присущие всем известным идеологическим течениям – либеральному, лево-социалистическому и национал-традиционалистскому.

Так, основу "либеральной" группы составляют те, кто в первую очередь отметил такие понятия, как "свобода", "рынок", "Запад", "бизнес", "демократия". Основа второй – "справедливость", "труд", "стабильность", "равенство", "коллективизм". Третьей – "порядок", "нация", "свобода", "русские", "традиция", "патриотизм", «справедливость». Особняком стоит группа, жестко ориентированная на коммунистические идеологемы ("социализм", "коммунизм", "патриотизм", "СССР", "революция"). Лишь 5% опрошенных можно отнести к числу ее безусловных приверженцев. И наоборот, «некоммунистические левые» составляют самую большую по объему группу (19%). Соответственно «национал-традиционалисты» – 12%, «либералы» – 8%. Любопытно и то, что исследование выявило целый ряд понятий, значимых для россиян, но не коррелирующих ни с одним из вышеназванных идеологических сегментов. К числу таких "самодостаточных" понятий можно отнести, например, "мораль", "права человека", "успех".

Итак, у россиян, хотя далеко не у всех, сохраняется стремление найти в окружающем мире себе подобных, в том числе и разделяющих те же ценности и идеалы, что и они сами. Но это стремление актуализируется тогда, когда идейная общность сопрягается с реализацией каких-то более «земных», социально значимых групповых и индивидуальных интересов. В этом смысле россияне становятся достаточно прагматичными. Так, например, россияне не склонны рассматривать демократию исключительно сквозь призму «толщины своего кошелька», но все же считают, и это подтверждают все опросы, что любая демократическая система эффективна только тогда, когда обеспечивает своим гражданам приемлемый уровень жизни. И в этом они далеко не оригинальны. Актуализация же ценности свободы в значительной степени связана с тем, что она начинает восприниматься многими как некая "страховочная сетка" от окончательной узурпации власти «олигархией» и бюрократией. И, наконец, идея порядка – вполне закономерная реакция на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т. п., являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих идей свободы и порядка. В этой связи ставить знак равенства между этим запросом и запросом на авторитаризм, полицейщину и т. п. было бы неправильно.

Сложнее с интерпретацией запроса на справедливость. Как показывал майский опрос ВЦИОМ, для одной части россиян идея социальной справедливости увязывается с сильным государством, порядком, национальными традициями – 50%, а для другой – с демократией, солидарностью, свободой личности – 30%. Как мы видим, сторонников неоконсервативной версии справедливости пока больше, чем сторонников, условно говоря, социал-демократической. Представляется, что альтернатива «неоконсерватизм – социал-демократизм» уже в ближайшее время придет на смену конкурирующим в 90-е годы ценностям «коммунизма – либерализма». Причем, неоконсервативный сегмент уже имеет своего носителя – это, безусловно, «Единая Россия», которая сегодня мало чем отличается, например, от американских республиканцев времен Рейгана. Что же касается перспектив возникновения в России влиятельной социал-демократической партии, то они пока туманны. Претензии на занятие социал-демократической ниши «Родиной» Д. Рогозина посредством скрещивания социальных и национальных идей вряд ли дадут что-то путное. «Родина» в лучшем случае может претендовать на роль «младшего партнера» «Единой России» в консервативно-традиционалистской нише нашего партийно-политического спектра. Также россияне не верят в возможность создать социал-демократическую партию из фрагментов КПРФ. Во всяком случае, пока и Г. Семигин и В. Тихонов имеют нулевые рейтинги.

Наиболее перспективным вариантом представляется «социализация» разгромленных ныне либералов и соединение их с массовыми общественными организациями и инициативами. Пример И. Хакамады демонстрирует, что это в принципе возможно. Ее президентская предвыборная

кампания велась в классических социал-демократических традициях. Любопытно, что по данным ВЦИОМ, в июле рейтинг фактически несуществующей партии И. Хакамады «Свободная Россия» составил 4%, а «Яблока» и СПС, соответственно, 2 и 1%. Учитывая последние социальные инициативы правительства, можно предположить, что «полевение» общества пойдет достаточно быстрыми темпами. Причем не только политическое, но в каком-то смысле ценностно-эстетическое. Имеется в виду протест против навязываемого масскультом стиля и образа жизни "новых буржуа". В этой связи с большой долей вероятности можно прогнозировать переход некоторой части интеллигенции, интеллектуалов в оппозицию не только к власти, но и к этому нарождающемуся массовому сословию российских буржуа. То есть произойдет ровно то, что имеет место в большинстве европейских стран, где "постматериальные", антибуржуазные настроения господствуют в основном уже не в рабочей среде, а среди высокообразованной и "продвинутой" части общества.

Петухов В. В., директор по исследованиям ВЦИОМ. Из выступления на круглом столе в Московском центре Карнеги.

Несвобода с чистой совестью

// Freedom House оценила Россию на уровне Северной Кореи

"Авторитарный режим в России может стать примером для других государств постсоветского пространства", – резюмировали авторы доклада Freedom House

Фото: Дмитрий Лебедев / Коммерсантъ

В 2006 году Россия стала еще более несвободной страной – такой вывод сделан в опубликованном вчера в ежегодном докладе "О состоянии свободы в мире" международной правозащитной организации Freedom House. Впервые Россия получила минимально возможный балл за уровень гражданских свобод. Аналогичной оценки удостоились Куба, Ливия и Северная Корея. Представители российских властей признают, что по уровню свободы Россия не является лидером, но не согласны с тем, что ее считают аутсайдером.

Вчера международная правозащитная организация Freedom House опубликовала ежегодный рейтинг свободы. Все страны поделены на три группы: свободные, частично свободные и несвободные. Россия еще более упрочила свое положение в третьей группе, где она находится с 2004 года. Политические свободы в России были оценены в 6 баллов, а за гражданские свободы Россия впервые за время участия в рейтинге получила минимально возможную оценку – 7 баллов (свободными признаются страны с

баллом от 1 до 2,5). По уровню политических свобод Россия оказалась на одном уровне с Анголой, Габоном и Пакистаном. А степень гражданских свобод в России, по мнению Freedom House, такая же, как на Кубе, в Ливии и Северной Кореи.

В докладе Freedom House сказано, что в России продолжается "маргинализация независимых СМИ и представителей оппозиции", отмечаются ограничения деятельности оппозиционных партий и давление на некоммерческие организации. В документе отмечен рост ксенофобских настроений и "побуждение граждан ненавидеть представителей других национальностей, в первую очередь грузин". Особо сказано и о не раскрытом пока убийстве обозревателя "Новой газеты" Анны Политковской.

"Авторитарный режим в России может стать примером для других государств постсоветского пространства", – резюмировали авторы доклада.

Этой же точки зрения придерживается выступивший на презентации доклада экс-советник президента Владимира Путина, старший научный сотрудник вашингтонского Института Катона Андрей Илларионов. Господин Илларионов заявил Ъ, что "зона бывшего СССР" признана самым политически несвободным регионом мира: "Доля репрессивных режимов здесь составляет 40%. Для сравнения, в Африке – 37,7%. И вина в этом процессе во многом лежит на России". Эксперт считает, что "Россия занимается экспортом несвободы по всему миру, который проявляется в развитии двусторонних отношений с авторитарными и диктаторскими режимами. Речь идет о попытке создания нового интернационала авторитарных режимов и диктатур".

К показателем несвободы во внутренней политике России господин Илларионов также относит покупку интернет-блогов российскими олигархами (видимо, имеется в виду покупка прав на обслуживание дневников в "Живом журнале" принадлежащей Александру Мамуту компанией "Суп". – Ъ), что может быть использовано как инструмент госконтроля за пользователями сети; официальную пропаганду ненависти, культ силы и угроз расправиться с политическими и интеллектуальными оппонентами. Господин Илларионов упомянул о демонстративных убийствах, обвинив власти в препятствии официальным расследованиям и открытым оправдании подозреваемых в этих

преступлениях.

Неправительственная организация Freedom House была основана в 1941 году при поддержке Элеоноры Рузвельт. Финансируется рядом международных благотворительных фондов, таких как National Endowment for Democracy и Soros Foundations, а также управлением международного развития США и Информационным агентством США. Рейтинги Freedom House публикует с 1973 года, анализируя политические и гражданские свободы по многим критериям, среди которых состояние свободы слова, развитие институтов гражданского общества, независимость судов, уровень коррупции.

"Да, мы далеки от идеала, – прокомментировал Ъ доклад Freedom House председатель комитета Совета федерации по международным делам Михаил Маргелов. – Можно вспомнить, что Госдума не ратифицировала протоколы о реформе Европейского суда и об отмене смертной казни. Но эта оценка поставлена только одной правозащитной организацией, в то время как Россия является полноправным членом Совета Европы – главного правозащитного сообщества континента. И я бы предпочел ориентироваться на консолидированное мнение совета: по уровню свободы мы не лидеры, но далеко и не аутсайдеры".

Между тем выводы о плачевном состоянии свобод в России в 2006 году сделали не только эксперты Freedom House. Так, в марте Совет Европы в своем докладе указал российскому руководству на проблему дедовщины в армии. В мае Россия дважды подверглась критике авторитетной правозащитной организации Amnesty International – за рост национализма и за "бедственное положение населения Чечни". В рейтинге свободы слова по версии Freedom House Россия занимала 147-е место, а в рейтинге "Репортеров без границ" – 158-е место из 168 стран.

[АНДРЕЙ Ъ-КОЗЕНКО](#), [ЮЛИЯ Ъ-ТАРАТУТА](#)

Новости туризма

26 Января 2007

Что не нравится иностранцам в России?

Эксперты компании Служба Континентов, занимающейся поддержкой русскоговорящих туристов за рубежом, а иностранных – в странах СНГ, по просьбе информационной группы Турпром представили краткий обзор трудностей, с которыми сталкиваются иностранные туристы, посещающие Россию.

Как выяснилось, проблемы с качеством услуг, находящихся в ведении принимающих компаний (трансфер, размещение, экскурсии и т.д.) занимают не более 15-20% в общей массе проблем.

Около половины обращений связаны с трудностями в общении, или невозможности сориентироваться на местности.

10-15% запросов иностранцев относятся к предоставлению справочной информации.

Основные проблемы туристов связаны с незнанием большинством россиян на приемлемом уровне даже английского языка и отсутствием привычного для иностранных граждан уровня сервиса, информации и коммуникаций.

Ситуации, которые возникают у путешественников в любой стране – потери чего-либо, кражи, попытки обмана, дорожно-транспортные происшествия, отмены и задержки рейсов, накладки с размещением в гостиницах, в России усугубляются прохладным отношением сервисных служб к своим клиентам и неоперативным реагированием государственных структур, призванных помогать гражданам в тех или иных ситуациях.

Компания констатирует, что инфраструктура российских городов пока еще плохо приспособлена для иностранных гостей.

Даже в двух столицах большинство указателей выполнены только на русском языке, а за информацией или помощью иностранному туристу обратиться некуда – соответствующие круглосуточные государственные службы пока существуют только в проектах.

[Правда.ру](http://Pravda.ru)

радио "Маяк", 18.08.2005 г.

О молодежи и политике

Сегодня мы говорим о молодежи и политике. Что молодежь думает о жизни, о политике, о моральных ценностях? В студии - представитель компании "РАМИР-Мониторинг", научный директор компании Николай Попов, и заместитель генерального директора ВЦИОМ Дмитрий Поликанов.

- Начнем с опроса, проведенного ВЦИОМ, поскольку он занимался известностью молодежных движений.

ПОЛИКАНОВ: Да, мы пытались замерить уровень известности и симпатий россиян к различным молодежным организациям политического толка.

- То есть сейчас мы пока говорим об отношении всего населения к молодежному движению?

ПОЛИКАНОВ: Мы можем говорить в разрезе всего населения и в разрезе предпочтения непосредственно молодежи.

- Начнем со всего населения. Кого знают?

Зам.генерального директора ВЦИОМ Д.Поликанов и научный директор компании "РОМИР-мониторинг" Н.Попов в студии "Маяка"

ПОЛИКАНОВ: На сегодняшний день можно говорить о том, что у населения за счет того, что в общественной жизни все большую роль начинают играть молодежные организации, растет интерес к ним. Мы проводили несколько раз на протяжении этого года опрос по поводу узнаваемости молодежных организаций. Если в начале года более 70 процентов россиян не могли толком назвать ни одной из молодежных организаций, либо говорили, что не знают вообще, либо затруднились ответить, то на сегодняшний день число таких сократилось до 54%. При этом 35% не могут назвать вообще, остальные -затрудняются с ответом.

Если смотреть на то, какие организации вспоминаются в первую очередь, то, естественно, это лидеры информационного пространства - это движение "Наши"; это - нацболы, лимоновцы, скинхеды (такая условная группа, поскольку у них нет единой организации, скорее, разветвленная сеть нескольких мелких организаций), это - молодежная организация Союза правых сил, молодежное "Яблоко" и "Соколы" Жириновского. "Наши" и лимоновцы - это 18% и 16%, остальные - в пределах 10 %. Что касается симпатий, то здесь тоже большого сюрприза нет: кого знают, тому и симпатизируют. Если мы посмотрим на разрез симпатий, то мы увидим, что движению "Наши" симпатизируют около 8% опрошенных, остальным организациям, наиболее известным -

"Идущим вместе", молодежной "Родине", движению "За Родину" "Яблока", КПРФ и так далее - от 2 до 3% россиян.

- Это все население. А молодежь? Поскольку движения молодежные, они обращаются к молодежи. Они могут не появляться на телеэкране, но они должны работать в молодежной среде. Ситуация с известностью этих организаций в молодежной среде отличается от общей ситуации по стране?

ПОЛИКАНОВ: В целом в молодежной среде их, естественно, знают несколько больше. Что касается симпатий, то, в принципе, список симпатий приблизительно тот же. Единственное, что "Нашим" симпатизируют уже порядка 10-11% молодежи, на второе место выходит молодежное "Единство", это где-то 3-4%, хотя о нем практически забыли в последнее время, оно никак себя активно не проявляет. Далее движение "За Родину" и национал-большевики. У них уровень симпатий среди молодежи 18-24 лет колеблется в пределах от 1 до 3%

- Молодежное "Яблоко"?

ПОЛИКАНОВ: Молодежное "Яблоко", молодежная СПС - в пределах 2%.

- А по известности в молодежной среде данные отличаются от общих данных по стране?

ПОЛИКАНОВ: Они чуть выше, где-то от 3 до 5 %. Все равно получается, что почти половина молодежи не знает различные молодежные организации, хотя она является целевой аудиторией этих самых организаций.

- Николай Петрович, что показывают ваши исследования?

ПОПОВ: Недавно мы провели интересное исследование - специфический опрос пользователей Интернета, он-лайн опросы, каковых у нас, по разным оценкам, около 10 миллионов набегает. И это в основном более молодая часть и более зажиточная. Такой некий молодой средний класс - 80% людей до 35 лет. Мы в числе прочих вопросов задали вопрос об их отношении к молодежному движению "Наши". Во-первых, она не только молодая, не только более образованная (в два раза выше, чем в среднем по стране), но и более зажиточная. И в силу того, что они уже сидят в информационном поле, они более информированы, в том числе и о политике, поэтому от них резонно ожидать большую включенность в эту тематику и какие-то ответы со смыслом. Вот как они относятся к молодежному движению "Наши": 45% - безразлично, меня это не интересует. Положительно оценивают - 17%, отрицательно - 38%

- А у вас был ответ отрицательно или положительно? Есть такие данные?

ПОЛИКАНОВ: Мы специально не спрашивали.

ПОПОВ: Поскольку мы этот вопрос отдельно задавали, мы в нем позволили предложить варианты ответов. Из тех, кто положительно оценивают, самая большая группа 10%, это несколько аморфная, неполитическая оценка, а именно: положительно, одобряю, когда работают с молодежью и организуют ее досуг. 4% сказали, что "положительно оцениваю", потому что надо привлекать молодежь к политической деятельности. То есть хорошо, что есть этикие комсомольцы, потому что в политику они должны идти сызмальства...

- Какое число современной российской молодежи идет в какие-то движения по идеологическим соображениям? Такие есть исследования?

ПОЛИКАНОВ: Я могу ответить по Москве, хотя это, наверное, будет не совсем правильно. Условно говоря, на вопрос "участвуете ли вы сегодня в какой-то политической организации?" - 4%, а "хотели бы участвовать чисто гипотетически" - еще 8%. В принципе, потенциал супер-активной молодежи не очень большой, но, с другой стороны, он не должен быть очень большим, потому что это фактически будущая элита, наиболее активная часть молодежи. Потому что политика - это, скорее, все-таки призвание для наиболее активных и тех, кто хотел бы каким-то образом продвинуться в жизни, изменить свою жизнь.

- Я же не зря задала вопрос: идут в партию по идеологическим соображениям. Известно, что кое-кто рассматривает участие в партии, как шаг на пути к карьере, как шаг в построении карьеры. В современной российской действительности можно это развести: идеологию и карьеру? Или все так тесно сплетено, что одно без другого не бывает?

ПОПОВ: Это вопрос очень тонкий и его надо специфическими, направленными исследованиями изучать.

- А никто этим не занимается?

ПОПОВ: Если не закажут, значит и не занимаемся.

-А по собственной инициативе?

ПОПОВ: Это дорого стоит. Каждый вопрос стоит больших денег. В русле того, о чем мы говорили, - активное участие в политических организациях базируется вначале на интересе к политике вообще. Мы периодически спрашиваем всех людей: в какой мере в целом вас интересует политика? Так вот общий навар за последние 15 лет после энтузиазма конца 80-х - начала 90-х, когда люди выписывали в силу их еще и дешевизны, по 10 газет и копались, кто чего сказал, что сказал Сахаров, а что ему ответил Горбачев; смотрели съезд, цитировали... Сейчас произошла значительная деполитизация массового сознания. Резко спал интерес к политике, потому что политика в противовес надеждам того времени не просто было интересное шоу, люди ожидали, что изменится жизнь к лучшему...

Сейчас интерес резко упал. По нашим данным, среди всего населения, при этом учтите, интерес к политике, это все-таки вопрос из области политкорректности немного, социально ожидаемое. Поэтому народ завывает свой интерес к политике, нежели на самом деле он есть. Тем не менее, в среднем по населению у нас интересуются политикой 49%, не интересуются или почти не интересуются - 51.

Молодежь существенно меньше интересуется политикой, чем все население в целом. А именно, если здесь 49% интересуются так или иначе, то среди молодежи - 39. И это сильно выходит за пределы статистической ошибки. Разница заметная.

- А год, два, три назад проводились подобные исследования? Можно сравнить? Еще пять лет назад мы вообще говорили о том, что молодежь у нас в стране аполитична. И кого-то это даже радовало, а кого-то настораживало. Кто-то говорил: аполитична - значит все нормально в стране. А кто-то говорил: а кто же будет политику завтрашнего дня определять? По сравнению с пятилетней давностью изменилось отношение молодежи к политике?

ПОПОВ: Поскольку мы об этом более-менее регулярно спрашивали, то падение - параллельное. Как у всех падает интерес, так у молодежи с лагом определенным.

- То есть получается, что 5 лет назад молодежь активнее интересовалась политикой, чем сейчас?

ПОПОВ: Чуть больше, чем сейчас.

- И это при том, что сейчас появилось огромное количество молодежных движений. Это что, уже следующее поколение тогда пришло в жизнь?

ПОЛИКАНОВ: У нас сейчас - пауза электоральная. В принципе, то, что было 5 лет назад, 2000-й год, выборы президента, тем не менее, соглашусь с тем, что молодежь идет в русле общих тенденций. У нас был вопрос по поводу участия в общественной и политической жизни. За последние 2-3 года признались в том, что они в чем-то участвовали, включая выборы, среди молодежных групп 42-45%, притом, что в среднем по России - 35%. То есть, видим те же 10 процентов разницы. Действительно, тенденция такая, что не нужно говорить, что молодежь - это суперпассивная часть населения. Она живет так же, как живет все общество.

- Тогда каково будущее всевозможных молодежных движений, которые нарождаются в нашей стране?

ПОЛИКАНОВ: Здесь можно говорить о трех факторах, которые вызывают сегодня интерес повышенный к этим молодежным движениям и вообще приводит к их возникновению. Первый фактор - объективный, заключающийся в том, что различным политическим силам необходимо

готовиться к новому электоральному циклу, необходимо вербовать умы в том числе и молодежи, как одной может быть не политически активных, но социально активных групп населения. Вторым фактором - это, естественно, связанный с опытом Украины, Грузии и прочих "оранжевых" республик. Молодежь использует либо для революционной деятельности, либо для контрреволюционной деятельности. И третий момент - это то, что мы сегодня наблюдаем, это то, что происходит общее старение российских политических партий, происходит некая консервация элиты, закрытие лифта для вертикальной мобильности...

ВЕДОМОСТИ

МЕДИАТЕКА СОВМЕСТНО С

THE WALL STREET JOURNAL & FINANCIAL TIMES

Новый средний

Основой российского среднего класса становятся госслужащие — их уже больше половины. По структуре похоже на Францию или Скандинавию, зато идеология как у чиновников — не предприимчивость, а конформизм

Дина Юсупова
Пятница

02.02.2007, №18 (1792)

[Добавить отзыв](#) 3

[Блогерам](#) [письмо](#) [только текст](#)

Совладелец IT-фирмы Иван (имя изменено) пришел на собеседование в госкомпанию смеха ради: выбрал самый безграмотный, с обилием орфографических ошибок, отклик на свое резюме в Интернете. Однако когда потенциальные работодатели предложили интересное дело и согласились платить больше, чем он получал, Иван стал руководителем проектов государственной IT-компании (впрочем, и долю в бизнесе сохранил — об этом ниже). Это было больше года назад. «Я и тогда скептически относился к чиновникам, — говорит Иван. — Сейчас хуже. Доносы, подставы, безграмотность и нежелание работать — так не только у нас, но, судя по общению в форумах, в большинстве госструктур. А если бы люди знали масштабы воровства, они бы пришли и просто сожгли бы тут все».

Сегодня госслужащие не просто основа нашего среднего класса: они составляют уже больше его половины. Таков один из выводов аналитического доклада «Городской средний класс в современной России», представленного на прошлой неделе Институтом социологии РАН. Предыдущее исследование было проведено в 2003 году, и, по оценкам социологов, за это время произошли заметные изменения: доля среднего класса среди взрослого городского населения снизилась с 25 до 20%, процент предпринимателей в его составе сократился с 13 до 6%, а госслужащих, наоборот, вырос с 49 до 54%. Формально, говорят социологи, структура нынешнего среднего класса в России становится похожей на французскую и скандинавскую. Но только формально.

Как мерять?

Надо сразу сказать, что среди социологов нет единства в вопросе о том, что же такое средний класс, хотя он регулярно становится предметом их исследований. Взять хотя бы минимальный доход на члена семьи — как мерять? В ROMIR Monitoring считают, что нижняя планка — от 2-кратной величины минимального прожиточного бюджета, то есть от 300 долларов в 2006 году. В КОМКОН полагают, что в Москве это «не ниже 550 долларов». Кроме того, ROMIR Monitoring и КОМКОН исследуют средний класс в первую очередь в прикладных целях — как потребительскую группу, а специалисты Института социологии РАН хотят понять, сформировалась ли вообще в России эта социальная категория и каковы ее особенности.

Четыре критерия среднего класса были предложены еще накануне первого исследования, проведенного в 1999 году: наличие как минимум среднего специального образования, нефизический труд, уровень душевого дохода в семье не ниже среднего в регионе и оценка человеком своего положения в обществе не ниже 5 баллов по 10-балльной шкале. Тех, кому недостает хотя бы одного из перечисленных качеств, ученые назвали «периферией».

«Средний класс в России сформировался», — торжественно объявил директор Института социологии Михаил Горшков на представлении доклада в гостинице «Балчуг Kempinski». Перевод этих слов на немецкий тут же зашуршал в наушниках его коллег из Фонда им. Фридриха Эберта, помогавших в исследовании. Социологи и журналисты толпились в позолоченных дверях переполненного зала, чтобы услышать: характерная особенность нашего среднего класса не только в том, что его уровень жизни ниже по сравнению с западным (минимальный ежемесячный доход на одного члена семьи в России 10 427 руб., в Великобритании 2640 фунтов). Дело еще и в наличии очень обширной «периферии» — людей, которым не хватает одного из «классовых признаков», чтобы влиться в ряды middle class (в половине случаев это как раз недостаток доходов).

А самое интересное: в России, что вообще не характерно для стран с переходной экономикой, наблюдается

сокращение удельного веса “старого” среднего класса, то есть мелких и частных собственников, и увеличение “нового” — работников, владеющих навыками интеллектуальной деятельности. Уже сейчас более половины middle class в России составляют госслужащие, и если он будет расширяться, то, судя по исследованию Института социологии РАН, скорее всего, тоже за счет госслужащих: больше половины “периферии” — это работники бюджетной сферы, которые смогут “подняться” при условии успешной реализации нацпроектов или в результате обычного повышения зарплат.

Мы и они

Наш средний класс по сравнению с 2003 годом стал заметно меньше тратить на образование свое и своих детей, что кажется удивительным: как же тогда увеличивается доля “нового” среднего класса, для которого, казалось бы, повышение квалификации — это капитал? “Спрос на высококвалифицированных специалистов в регионах ниже предложения, — объясняет руководитель исследования Наталья Тихонова. — У нас в отличие от развитых стран выше образования ценится социальный капитал. То есть связи”.

Еще больше разница у нашего среднего класса и западного в представлениях о государстве, демократии и политической оппозиции. Как показывает исследование, российское государство представляется в глазах граждан генератором жизненных смыслов, а не арбитром, следящим за соблюдением правил. Больше половины респондентов считают, что государство должно отстаивать общенародные интересы перед интересами отдельной личности. 42% опрошенных безоговорочно и 45% частично разделяют экзотическое для европейца мнение: задача политической оппозиции — оказывать правительству помощь в работе, а не критиковать его.

Ведущий консультант ROMIR Monitoring Игорь Березин не согласен с большей частью выводов коллег из Института социологии РАН (например, говорит, что за последние пять лет численность среднего класса выросла вдвое). Однако некоторые тенденции Березин подтвердил. Правда, цифры у него другие: “То, что число госслужащих, получающих “нормальную” заработную плату, растет, — это факт. Предприниматели и их семьи в 2001 году составляли едва ли не треть среднего класса, а в 2006-м — около 10%”.

Еще год назад владелец компании, а с прошлой весны замруководителя территориального управления Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами по Московской области Алексей Коруков убежден примерно в том же. “При нынешней ситуации все большая доля среднего класса живет на зарплату, — говорит он. — А начать свое собственное дело стало гораздо сложнее, для этого нужен в разы больший стартовый капитал”.

А по мнению и. о. декана факультета социологии Высшей школы экономики Александра Чепуренко, эта тенденция — сокращение в составе среднего класса частных предпринимателей — проявилась уже в начале 2000-х гг. С одной стороны, это было связано с тем, что “в XXI веке формируется общество, отличное от существовавшего в первые кризисные и посткризисные годы. Тогда наблюдалась архаизация экономических отношений и массовое возникновение мелкого бизнеса как ответ адаптивной части населения на кризис на рынке труда”. “Сейчас, — говорит Чепуренко, — этот “старый” малый бизнес активно вытесняется более крупными фирмами и сетевыми компаниями, параллельно формируется слой новых профессионалов: фрилансеров, адвокатов, частнопрактикующих врачей, нотариусов и так далее. С другой стороны, — продолжает социолог, — укрепление властной вертикали породило усиление госкорпораций. Именно госпредприятия становятся самыми крупными и успешными в бизнесе, и в них, и вокруг них сформировалась и стала быстро расти новая социальная страта — менеджеры от государственного бизнеса, нечто среднее между чиновником, выполняющим инструкцию, и менеджером, который ориентирован не только на сохранение своего места, но и на рост дохода компании”.

Общественно полезные

Вообще госслужащий сейчас “стал многоликим”, замечают эксперты. По мнению секретаря политсовета СПС, завкафедрой права МФТИ и одного из разработчиков закона “Об акционерных обществах” Бориса Надеждина, сейчас не всегда можно отличить госслужащего от, к примеру, бизнесмена: “Если человек пришел работать начальником отдела налоговой службы и курирует фирмы, учредителями в которых является он или его родственники, то он кто? В принципе предприниматель на свой страх и риск. Но формально чиновник”.

По мнению Александра Чепуренко из ВШЭ, госслужащие, претендующие на роль ядра среднего класса в России, попали туда по совокупности ряда признаков, включая относительно высокие и открытые источники дохода. “Но при этом, — говорит социолог, — достаточно хорошо известно, что значимую часть доходов высшего и среднего звена госбюрократии составляет то, что на ученом языке называется рентными доходами — они извлекают доход из возможности использования бюрократических рычагов. Эти доходы нигде не учитываются, но на самом деле составляют основу их экономического ресурса наряду с предпринимательской деятельностью, ведущейся через родственников. Таким образом у нас формируется средний класс, который поддерживает стабильность особого типа, основанную на огромных теневых рентных доходах, извлекаемых благодаря включенности в формальную и неформальную государственную иерархию”.

Насколько мы поняли ученый язык социолога, “доходы, извлекаемые благодаря включенности в государственную иерархию”, — это в том числе взятки и “откаты”.

Новое дело

Айтишник Иван — один из немногих, кто легально сочетает работу в госструктуре и бизнес (он числится руководителем конкретного проекта, не госслужащим): он остается совладельцем частной компании, которой, кстати, направляет аутсорсинговые заказы, если с их объемом не справляются его специалисты на госпредприятии. “Я не рву на куски госкомпанию ради наживы, — объясняет Иван. — Просто при мне система начала работать”. В принципе Ивану нравится его работа: и интересно, и зарплата неплохая (хотя он не привел в госструктуру ни одного своего друга: “Там люди — волки, я год потратил на войну, меня выживали, такое другу не пожелаешь”). — К тому же Иван считает, что выполняет общественно полезную функцию: — Я занимаюсь информационной системой, которая делает прозрачными процессы расходования бюджетных средств. Сейчас деньги текут рекой в непонятных направлениях по разным причинам. Где-то из-за непрофессионализма, иногда просто из-за нежелания работать, ведь госслужба не стимулирует развитие: главное — устроиться, а потом не выгонишь. Я слышал, в Московском метрополитене работает около 500 бухгалтеров, хотя достаточно нанять одну аудиторскую компанию. А кто-то сознательно направляет деньги “не туда”. Был случай, когда один чиновник пришел ко мне и говорит: из-за ваших новшеств перестала работать моя схема, как теперь это обойти? Я с такими не разговариваю”.

Иван, работая в госструктуре, все же занимается тем же делом, что и в собственной частной компании. Алексею Корукову стать чиновником оказалось непросто: когда решил попробовать себя “в новом и сложном деле” по организации особой экономической зоны, компанию пришлось отдать в управление. Алексей, по его словам, до сих пор учится жить в новой среде, надеясь когда-нибудь начать действовать эффективно. Ну, а если не выйдет, вернется на свою прежнюю стезю: в свою старую или какую-нибудь другую компанию.

Постоянный адрес материала: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/02/02/120012>

Ёжик в тумане

Средний класс в России: не было и не будет?

Валентине Ивановне Рыбкиной 48 лет, она преподаёт физику в саратовской школе, получает ежемесячно 120 долларов и считает себя типичным представителем среднего класса. Валерию Махнову — 32. Он, что называется, “селф мэйд мен”: высшего образования не имеет, но зато у него есть небольшой бизнес, приносящий доход около 1000 долларов в месяц. “Конечно, я — средний класс, — уверенно говорит Валерий. — А кто ж еще? Уж не богатый и не нищий — это точно!”

Поиски среднего класса в России превратились в навязчивую идею. Ищут ученые, ищут политики... Но найти ничего определенного пока не могут. Вопрос, сколько их, “средних”, по-прежнему остается открытым. А значит, власть не может быть уверена ни в успехе нынешних реформ, ни в реальности своих прогнозов на будущее.

Битва за показатели

Средний класс в России пытаются отыскать с середины 90-х годов. Первые попытки нащупать важную в социальном и экономическом смысле прослойку относятся к президентским выборам 1996 года, когда власть схлестнулась с мощной “левой” оппозицией. Чиновники настаивали: средний класс в России есть. А это значит, что, несмотря на болезненные реформы, первые 5 лет правления Ельцина были в целом успешными. Коммунисты доказывали, что средний класс в России, напротив, практически уничтожен — это и есть основной результат правления “антинародного режима” Ельцина.

Самое интересное, что и те, и другие по-своему правы. Оценка судьбы среднего класса зависит исключительно от выбранного критерия. Это на Западе все признаки “среднячков” взаимосвязаны: хорошее образование гарантирует человеку высокую конкурентоспособность на рынке труда и как следствие — высокие доходы. У нас диплом педагогического вуза обеспечит выпускнику разве что жареную картошку и кусок хлеба на ужин. Зато люди, с трудом окончившие 8 классов, могут позволить себе разъезжать на “Мерседесах”. Наш средний класс, как и саму Россию, “аршином общим не измерить”.

Часть социологов основным критерием считает материальное благосостояние. Неважно, где ты учился и что думаешь о творчестве Шагала, главное — сколько ты получаешь и как расходуешь имеющиеся средства. “Джентльменский” имущественный набор представителя среднего класса — хорошая квартира или дом, машина, вся необходимая бытовая техника, наличие сбережений, отпуск за границей, дети в платной школе и т.п.

Чтобы позволить себе все вышеперечисленные радости, человек должен обладать суммой от 10 до 20 тысяч \$ на семью ежегодно. Таких, уверяют социологи, в стране не более 3 млн. семей, или всего 6% населения.

Понятно, что власти такой чисто экономический критерий определения численности среднего класса категорически не устраивает. Уж слишком ничтожный в масштабах страны получается результат! В исследованиях федеральных институтов главный упор делается на социально-профессиональный статус, а имущественный ценз сознательно занижается.

Так, например, Федеральная служба госстатистики относит к среднему классу семьи с душевым доходом 100—130 долларов в месяц. Это уже совсем иной уровень материального благосостояния, а в Москве — и вовсе смешные деньги. С такой зарплатой москвичи еле-еле сводят концы с концами, и уж конечно, не могут позволить себе жить по общепринятым для среднего класса стандартам. Однако нехитрые манипуляции с цифрами позволяют службе госстатистики существенно улучшить показатели независимых экспертов: согласно последнему отчету государственных статистиков, к среднему классу в России относится примерно 20% населения.

Но и это, оказывается, еще не предел! Социолог Владимир Петухов считает (и в этом с ним соглашаются многие коллеги), что главным критерием классовой принадлежности должна быть самоидентификация. Если сам человек считает себя “средним”, то никто, включая государство, не может навязывать ему свои стандарты оценки. “В России есть 10% супербогатых и 10% супербедных, — рассуждает Петухов, — а остальные 80% почти ничем друг от друга не отличаются”. До кризиса 1998 года средним классом сами себя называли более 50% граждан. В 1998—1999 — 30%. Сейчас оптимизма у народа прибавилось, и мы снова вышли на докризисный уровень.

Какой из вышеназванных оценок придерживаются в Белом доме, стало ясно после опубликования “Программы социально-экономического развития России на 2005—2010 годы”. Одной из главных задач в этом документе названа борьба с бедностью и, как следствие, рост прослойки среднего класса с нынешних 20% до 50—60%. Все эти люди, по мысли чиновников, будут иметь доход, в 6 раз (!) превышающий прожиточный минимум.

Мода на миди

Итак, средний класс у нас есть. И хотя его количество пока не поддается единому мнению, начиная с 2000 года его пристально исследуют и описывают. США и Европе российский средний класс интересуют по той

же самой причине, что человекоподобные обезьяны: хочется поближе узнать свое далекое прошлое. Для России это не только любопытно, но и принципиально важно.

Быть богатым хорошо прежде всего для самых богатых. Быть бедным — одинаково стыдно и для государства, и для человека. Ну а средний класс во всех теориях выступает прямо-таки спасителем Отечества. Как русская женщина — и коня на скаку остановит, и в избу горящую войдет, и на пути социальной нестабильности костями ляжет.

Социологов не смущает, что они сами приписывают среднему классу противоположные черты. С одной стороны, он выступает проводником реформ, а с другой — их прямым наследием. Это сила, которую следует всячески активизировать, и одновременно широкая платформа, на которую можно опереться. “Возникает образ социальных слоев, которые смогут буквально все и сразу, — указывает московский социолог Вадим Радаев. — Налоги заплатят по высшей мере и одновременно поднимут эффективный спрос на потребительских рынках, разовьют собственный малый бизнес и обеспечат прилив желанных инвестиций. Вдобавок и проголосуют за нужные политические фигуры”. Что здесь миф, а что правда — разобраться совсем непросто.

Источником практических сведений о представителях среднего класса в России служат исследования под общим названием “Стиль жизни среднего класса”, которые РОМИР-мониторинг совместно с журналом “Эксперт” проводят уже в течение 5 лет. В ежегодных опросах участвуют около 4000 семей в 20 крупных городах страны, включая Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень, Саратов и т.п. В качестве основного критерия отбора авторы исследования избрали самый очевидный — уровень доходов. Причем, в отличие от Федеральной службы госстатистики, средними признаны люди, имеющие достаток более 250\$ в месяц на члена семьи. А в Москве — 350\$.

Фейс-контроль и дресс-код

В США и Европе представителям среднего класса традиционно приписывают несколько основных качеств. Но в России пока не все они равноценны.

Активный потребитель. Сберегателем среднего русского можно назвать с большой натяжкой. Ведь его денежные накопления равны полугодовому доходу семьи (приблизительно около 6 тысяч долларов), причем большинство этих денег по традиции лежит в кубышке под матрасом. (Для сравнения: в США накопленные средства граждан вчетверо превышают их годовой доход!)

Средний русский не жалеет денег на еду и одежду, а также на товары “не первой” необходимости. Причем, чтобы удовлетворить свои растущие потребности и даже откровенные капризы, 20% берут потребительские кредиты. Отложенные средства большинство представителей среднего класса впоследствии тратит на отдых и путешествия. Многие отдыхают по два раза в год — зимой и летом, причем за границей. Летом ездят в Турцию, зимой в Египет. Горными лыжами увлекаются лишь те, чей месячный доход переваливает за 1000 долларов (так называемый “верхний средний класс” численностью около 1 млн. чел.): все-таки этот вид спорта позиционируется в России как отдых для богатых. Кроме того, деньги копят “на всякий случай”, “на покупку мебели”, “на квартиру”, “на образование” и “на автомобиль”. Кстати, ожидается, что в 2005 году среди представителей среднего класса будет “бум” на автомобили среднего класса: машина, о которой раньше можно было только мечтать, станет доступнее благодаря выгодным условиям кредита. Чего, увы, пока нельзя сказать о жилье.

Успешный предприниматель и карьерист. Времена, когда “средний класс” отождествлялся с понятием “собственный бизнес”, после “революции менеджеров” канули в Лету. И все-таки в России число наемных сотрудников среди его представителей несколько выше, чем на Западе. Собственный бизнес, как показывают исследования, имеют 15% опрошенных. Однако плох тот “середняк”, кто не хочет стать настоящим капиталистом. О собственном бизнесе для себя мечтают 68% нынешних наемных работников, для детей — более 80%.

Представителям среднего класса проще пожертвовать общением с друзьями, чем успехом и карьерой. Подавляющее большинство может выйти на работу в субботу, “если это нужно для дела” и “поможет карьерному росту”.

Разумный инвестор. А вот с инвестициями пока не очень. Средний русский не следит за котировками акций и почти ничего не знает о состоянии дел на биржах. Он даже к банкам относится с подозрением. 72% опрошенных заявили, что прибегают к их услугам, лишь когда надо платить за квартиру. 48% меняют там валюту. 24% получают деньги на карточки, и подавляющее большинство в тот же день снимает все до копейки. Лишь от 5% до 12% (в сегменте тех, кто имеет более высокие доходы) осуществляли операции с депозитами.

Что касается призывов банков самим накопить себе на старость, представители среднего класса их полностью проигнорировали. Если в Западной Европе услугами банков и фондов пользуются от 30% до 60% населения, то в России 0,001% и меньше. Любопытно, насколько они непритязательны. Респонденты, чей доход составляет 200\$ на члена семьи в месяц, хотели бы получать пенсию в размере 215\$, а те, чей текущий доход вчетверо выше — 800\$ — всего 390\$. Ну да ладно, до старости еще далеко: как показывают опросы, российские представители среднего класса — мужчины и женщины в самом расцвете сил. И больше всего они хотели бы инвестировать в улучшение собственных жилищных условий.

Хотели бы, но пока не могут. Ни по схеме долевого строительства (когда жилье покупается по более

низким ценам на стадии котлована), ни при помощи ипотеки. В этом, кстати, одно из основных отличий российского среднего класса от западного. Там “средняки” тоже не могут самостоятельно профинансировать покупку жилья. Но работает ипотека. В Испании, например, более 90% квартир покупаются при помощи банковских кредитов. У нас только 5%. Больше половины представителей российского среднего класса заявляют, что воспользуются ипотекой, если процентная ставка опустится до 6—7%. Но когда это будет, прогнозировать пока трудно.

Убежденный демократ. Любопытно, как представители среднего класса ответили на вопрос, заданный в ходе исследования ИКСИ РАН: “В каком обществе вы хотели бы жить?” Было предложено всего два варианта ответа: общество индивидуальной свободы и общество социального равенства. За первый высказались 37% опрошенных, за второй — 39%. Казалось бы, ничего неожиданного. Однако если сравнить эти результаты с ответами остальных респондентов, то разница сразу бросается в глаза. За общество социального равенства высказались 56% представителей других социальных слоев, за общество индивидуальной свободы — только 19%.

Главенствующая национальная идея среднего класса — сильная Россия и либерализм. Государство, в котором не попираются основные демократические ценности, а с политическими оппонентами спорят, а не сажают в тюрьму. Около половины опрошенных РОМИР — сторонники демократии по образцу Западной Европы, и только 12% импонируют США.

Гарант политической стабильности. Хотя в России на данный момент нет политической партии, выражающей интересы среднего класса, а протестные настроения очень сильны (порядка 26% “средних” на прошлых выборах голосовали против всех), на улицы идти никто не собирается. Даже если жить станет хуже, к демонстрациям, митингам, голодовкам, вооруженным восстаниям и другим формам протеста внутренне готовы только 15% опрошенных. Большинство будет искать дополнительные источники заработка. Впрочем, в случае появления в России конструктивной оппозиции политика, возможно, всерьез заинтересует представителей среднего класса, о чем наглядно свидетельствует недавний опыт Украины. В оранжевых палатках на Майдане было немало предпринимателей, офис-менеджеров и программистов.

Новые жертвы реформ?

Портрет типичного представителя российского среднего класса нарисовать нетрудно. У него мужское лицо. Ему от 30 до 40 с хвостиком лет. По профессии он с большей степенью вероятности является менеджером, юристом или журналистом, чем квалифицированным рабочим или преподавателем гимназии. У него есть отдельная квартира, машина, жена и двое детей. Он старательно делает вид, что в его жизни, все о’кей, хотя на самом деле его будущее неопределенно и весьма туманно.

Это на Западе представители среднего класса спят и видят, как стать богатыми. У нас — думают, как бы не стать бедными. А такая перспектива вполне реальна.

Президент велел бороться с бедностью. МЭРТ ответил: “Есть”. Правительство обещает, что через 10—15 лет прослойка среднего класса вырастет в 3 раза за счет тех, кто сейчас чуть-чуть не дотягивает до заданных службой госстатистики стандартов. А способствовать этому будет экономический рост.

Увы! Пока теория МЭРТа не подтверждается практикой. Предыдущие два года (очень успешные для российской экономики!) показали: бедных меньше не становится, средний класс не растет. В 2004 году доходы в среднем по стране выросли на 9%. А у бедных — только на 2%. Если бы зарплаты и пенсии не индексировали, эти люди окончательно скатились бы в пропасть нищеты. С помощью выплат и прочих соцпрограмм государство способно лишь поддерживать их нынешний имущественный статус, но как решить проблему бедности, оно не знает.

Зато уже анонсированы другие реформы — ЖКХ, здравоохранения и образования. Богатых это не коснется. Они уже давно сами оплачивают содержание частных домов, обучение детей в элитных школах и медуслуги. Бедных ждут очередные льготы и субсидии. А вот среднему классу не позавидуешь. Именно ему придется заплатить за социальные преобразования, задуманные чиновниками. “Если 3 реформы пройдут одновременно, это может стать тяжелым ударом для среднего класса. Ведь все они предусматривают расширение платности услуг”, — рассуждает автор книги “Средние классы в России” экономист Татьяна Малева.

Когда содержание двухкомнатной квартиры будет обходиться в 4 тысячи рублей, обучение ребенка в детском саду в 3 тысячи, а прием терапевта в 500, удержаться в среднем классе с доходом 520 долларов на семью из четырех человек будет весьма затруднительно. “Может статься, что через 5 лет будет не 20% среднего класса, а 10%”, — прогнозирует Малева.

Логика властей совершенно не ясна. Или мы создаем средний класс, или проводим жесткие реформы, фактически направленные на его уничтожение. В один присест и рыбку съесть, и на елку влезть, увы, не получится.

Московский Комсомолец, от 13.04.2005

Новый общественный запрос среднего класса

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. Средний класс и трансформация общественного запроса

Рассмотрение проблемы трансформации общественного запроса невозможно, на мой взгляд, без учета тех изменений, которые происходят в обществе, а именно без учета того факта, что в России быстрыми темпами формируется средний класс, достигая по разным оценкам от трети до половины населения страны.

«Срединные слои», безусловно, не монолитны в социальном смысле, да и в политическом и идеологическом тоже. Тем не менее, уже отчетливо просматриваются некоторые типичные черты, свойственные нарождающемуся массовому сословию российских буржуа, которое в аморфном, неструктурированном «срединном» большинстве начинает играть все более заметную роль.

Это, прежде всего, сравнительно невысокий интерес к политике, отчетливо выраженная направленность на частные интересы и индивидуальную самореализацию, конформизм. Отношение к власти скептическое, а иногда и негативное. Однако большинство представителей этих слоев устраивает В. Путин и то, как в целом идут дела в стране. Есть, конечно «болевы точки». Это – проблема бедности, поскольку многие из тех, кто причисляет себя к средним слоям, в действительности балансируют, что, называется, на грани. Поддерживая идею «капитализма без олигархов», бюрократию, однако, не любят еще больше, чем олигархов. Примерно, такое же отношение к «национальному вопросу» – негативное отношение многих к неконтролируемой миграции в российские города граждан бывших южных республик СССР и, одновременно, боязнь возникновения конфликтов на межнациональной основе. Впрочем, это относится ко всем группам и слоям российского общества. Брюзжание на «кухнях» по поводу «засилья инородцев», сопровождается, тем не менее, согласием 69% опрошенных (против 18%) с необходимостью ужесточить законы против разжигания межнациональной розни.

Важно учитывать, что новые российские буржуа – это миллионы людей со своими привычками, пристрастиями, мировоззренческими установками. Отчетливо видно, что на обслуживание интересов этих групп работает вся индустрия развлечений, книгоиздания, туризма, не говоря уже о телевидении и кино. Понятно, что «виртуальный» образ жизни нового сословия, который все настойчивее презентуется через глянцево-электронные и печатные СМИ всему обществу, симпатичен далеко не всем россиянам. Та бурная реакция, последовавшая за скандалом вокруг Киркорова, свидетельствует о наметившемся серьезном социокультурном расколе, который к тому же приобретает черты поколенческого раскола между остатками интеллигенции и воспитанных уже на образцах массовой культуры новых «средних русских».

В частности, постепенное сокращение информационно-аналитического вещания на центральных каналах – это отнюдь не только «козни» властей. Как показал июньский опрос ВЦИОМ, за такое сокращение в пользу развлекательного вещания высказалось 46%, против – ровно столько же. При этом развлекательное телевидение, как и следовало ожидать, предпочитает молодая, «продвинутая» часть аудитории. Соответственно, каналы, за которыми отчетливо маячат рекламодатели, не могут этого не учитывать. И сегодня то, что происходит на НТВ, лишь завершение процесса, давным-давно запущенного на других центральных каналах.

Думается, что это лишь только начало более серьезного конфликта, который во все большей степени перемещается из сферы политики и идеологии в сферу культуры в широком смысле, включая разное отношение к жизненным стратегиям, пониманию успеха и т. п. Возможно, новый общественный запрос и будет сфокусирован, прежде всего, на стыке ценностных установок, выбора моделей «жизнестроительства», разных вариантов социальной мобильности и достижения успеха.

Пока, как показывают все опросы, у этих групп населения ситуация в стране не вызывает особого беспокойства. Также, как и не вызывает особого интереса проблема «монетизации» льгот, пенсионного обеспечения. Тем не менее, нельзя считать, что политический нейтралитет этих слоев носит безоглядный характер и будет сохраняться при любом развитии событий. В условиях, когда резко возрастает ценность частной жизни, власть должна быть особенно аккуратна в своих

социальных инициативах, затрагивающих интересы, в том числе, и людей, которые только-только что называется «выбились в люди». Это касается, прежде всего, проблем в сфере образования, социальной мобильности, карьерного роста, жилья, материального достатка и т. д.

2. Изменения мировоззренческих, идеологических установок

Было бы неправильным считать, что у россиян полностью атрофирована потребность в идеологической и политической идентификации. Вовсе нет. Но она носит «фоновый» характер, не всегда сопрыгаясь с конкретными обстоятельствами и условиями бытия.

Так, как показывают наши исследования, россияне ничего не имеют против рыночной экономики и демократии. Одновременно их категорически не устраивала и не устраивает идеология, а главное, практика "построения капитализма" в России. Впрочем, прохладное отношение многие россияне демонстрируют и к знаковым понятиям "левой идеи" («СССР», «коммунизм», «революция» и т. д.), что свидетельствует о том, что и опыт "построения социализма" в России видится отнюдь не в ностальгических тонах. Это, в частности, выяснилось в ходе мартовского опроса ВЦИОМ, когда респондентам было предложено выбрать из 40 понятий, терминов не более 10-ти, которые вызывают у них наиболее позитивные ассоциации. Наибольшее отторжение вызвали такие понятия, как «либерализм», «коммунизм». В числе же наиболее позитивно оцениваемых были отмечены "порядок" (61%), "справедливость" (53%) и "свобода" (43%). Россияне рассматривают их, в отличие от многих аналитиков, не как конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени важные и необходимые для нормальной жизни не только страны в целом, но и отдельно взятого человека.

Интересно и то, что факторный анализ списка понятий и терминов, представляющих собой основную ценностную палитру современного российского общества, с достаточно высокой степенью определенности выявил устойчиво группирующиеся друг с другом понятия (то есть те из них, которые люди в своих ответах называли одновременно) и, соответственно, людей, ориентированных на ценности, присущие всем известным идеологическим течениям – либеральному, лево-социалистическому и национал-традиционалистскому.

Так, основу "либеральной" группы составляют те, кто в первую очередь отметил такие понятия, как "свобода", "рынок", "Запад", "бизнес", "демократия". Основа второй – "справедливость", "труд", "стабильность", "равенство", "коллективизм". Третьей – "порядок", "нация", "свобода", "русские", "традиция", "патриотизм", «справедливость». Особняком стоит группа, жестко ориентированная на коммунистические идеологемы ("социализм", "коммунизм", "патриотизм", "СССР", "революция"). Лишь 5% опрошенных можно отнести к числу ее безусловных приверженцев. И наоборот, «некоммунистические левые» составляют самую большую по объему группу (19%). Соответственно «национал-традиционалисты» – 12%, «либералы» – 8%. Любопытно и то, что исследование выявило целый ряд понятий, значимых для россиян, но не коррелирующих ни с одним из вышеназванных идеологических сегментов. К числу таких "самодостаточных" понятий можно отнести, например, "мораль", "права человека", "успех".

Итак, у россиян, хотя далеко не у всех, сохраняется стремление найти в окружающем мире себе подобных, в том числе и разделяющих те же ценности и идеалы, что и они сами. Но это стремление актуализируется тогда, когда идейная общность сопрягается с реализацией каких-то более «земных», социально значимых групповых и индивидуальных интересов. В этом смысле россияне становятся достаточно прагматичными. Так, например, россияне не склонны рассматривать демократию исключительно сквозь призму «толщины своего кошелька», но все же считают, и это подтверждают все опросы, что любая демократическая система эффективна только тогда, когда обеспечивает своим гражданам приемлемый уровень жизни. И в этом они далеко не оригинальны. Актуализация же ценности свободы в значительной степени связана с тем, что она начинает восприниматься многими как некая "страховочная сетка" от окончательной узурпации власти «олигархией» и бюрократией. И, наконец, идея порядка – вполне закономерная реакция на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т. п., являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих идей свободы и порядка. В этой связи ставить знак равенства между этим запросом и запросом на авторитаризм, полицейщину и т. п. было бы неправильно.

Сложнее с интерпретацией запроса на справедливость. Как показывал майский опрос ВЦИОМ, для одной части россиян идея социальной справедливости увязывается с сильным государством, порядком, национальными традициями – 50%, а для другой – с демократией, солидарностью, свободой личности – 30%. Как мы видим, сторонников неоконсервативной версии справедливости пока больше, чем сторонников, условно говоря, социал-демократической. Представляется, что альтернатива «неоконсерватизм – социал-демократизм» уже в ближайшее время придет на смену конкурирующим в 90-е годы ценностям «коммунизма – либерализма». Причем, неоконсервативный сегмент уже имеет своего носителя – это, безусловно, «Единая Россия», которая сегодня мало чем отличается, например, от американских республиканцев времен Рейгана. Что же касается перспектив возникновения в России влиятельной социал-демократической партии, то они пока туманны. Претензии на занятие социал-демократической ниши «Родиной» Д. Рогозина посредством скрещивания социальных и национальных идей вряд ли дадут что-то путное. «Родина» в лучшем случае может претендовать на роль «младшего партнера» «Единой России» в консервативно-традиционалистской нише нашего партийно-политического спектра. Также россияне не верят в возможность создать социал-демократическую партию из фрагментов КПРФ. Во всяком случае, пока и Г. Семигин и В. Тихонов имеют нулевые рейтинги.

Наиболее перспективным вариантом представляется «социализация» разгромленных ныне либералов и соединение их с массовыми общественными организациями и инициативами. Пример И. Хакамады демонстрирует, что это в принципе возможно. Ее президентская предвыборная кампания велась в классических социал-демократических традициях. Любопытно, что по данным ВЦИОМ, в июле рейтинг фактически несуществующей партии И. Хакамады «Свободная Россия» составил 4%, а «Яблока» и СПС, соответственно, 2 и 1%. Учитывая последние социальные инициативы правительства, можно предположить, что «полевение» общества пойдет достаточно быстрыми темпами. Причем не только политическое, но в каком-то смысле ценностно-эстетическое. Имеется в виду протест против навязываемого масскультом стиля и образа жизни "новых буржуа". В этой связи с большой долей вероятности можно прогнозировать переход некоторой части интеллигенции, интеллектуалов в оппозицию не только к власти, но и к этому нарождающемуся массовому сословию российских буржуа. То есть произойдет ровно то, что имеет место в большинстве европейских стран, где "постматериальные", антибуржуазные настроения господствуют в основном уже не в рабочей среде, а среди высокообразованной и "продвинутой" части общества.

Петухов В. В., директор по исследованиям ВЦИОМ. Из выступления на круглом столе в Московском центре Карнеги.

Сенсация: 20% россиян относятся к среднему классу

[Андрей Бильжо. Карикатуры в тему](#)

Только в "Известиях": результаты исследования Института социологии Академии наук о наших доходах, настроениях, убеждениях и "любви высовываться"

В нашей стране теперь есть средний класс. Его представители составляют 1/5 часть населения страны, и в перспективе в их ряды еще может влиться до трети граждан. Вместе с тем наши "среднеклассники" сильно отличаются от своих собратьев на Западе. Для того чтобы выявить эти особенности, ученые обобщили результаты исследований этого вопроса в аналитическом докладе "Средний класс как социальная база обеспечения конкурентоспособности России".

Не рублем единым

Камнем преткновения для многочисленных ученых мужей и дам, изучавших за последние годы особенности российского среднего класса, стал вопрос о необходимом уровне дохода. Дескать, именно он в первую очередь позволяет относить человека к категории успешных представителей развивающегося капитализма. Одни исследователи предлагали начинать отсчет с 300-500 американских денежных единиц на члена семьи в месяц, другие задирали эту планку до \$1000 и более. В результате вместо прояснения картины некоторые ученые ее только запутали и мифологизировали. В ИС РАН пришли к выводу, что в условиях чрезвычайно обширной страны, регионы которой развиты далеко не равномерно, такой подход неприемлем. Достаточно просто достигнуть хоть ненамного более высокого уровня благосостояния по сравнению со средним в данном субъекте федерации - и вы уже одной ногой в рядах "среднеклассников".

Однако одного только относительно высокого дохода для повышения своего социального статуса недостаточно, необходимо соответствовать еще трем условиям, которые сформулировали академические ученые. Первое из них - нефизический характер труда. "Среднеклассники" скорее "пролетарии" труда умственного (в виде исключения социологи допускают включение в состав среднего класса небольшой части - 5% населения страны - квалифицированных рабочих, мелких бизнесменов, занятых, к примеру, ремонтом автомобилей или электронной аппаратуры, и фермеров). Однако и они должны выполнить другое непереносимое условие принадлежности к передовому слою общества - наличие как минимум среднего специального образования. Наконец, третий критерий, на котором настаивают в ИС РАН, - человек сам должен ощущать свою принадлежность к среднему классу.

Сегодня всем этим четырем критериям в нашей стране уже соответствует 20% населения, или почти 28 миллионов человек.

Главное - работа над собой

Успешность "среднеклассников" в жизни по сравнению с другими слоями населения страны (за исключением 1,5% сверхбогачей) объясняется той же причиной, которая в середине прошлого века привела к образованию среднего класса на Западе. Это - стремление к новому, готовность рассчитывать только на свои силы и прилагать все усилия для того, чтобы соответствовать тем требованиям, которые предъявляет человеку быстро меняющийся мир. Большинство членов (60%) наиболее передовой части нашего общества сами характеризуют себя как людей, которые "любят высовываться". Почти столько же участников исследования (59%) согласны с утверждением "главное - это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве". Такое же число респондентов убеждены в том, что смогут обеспечить себя и свою семью без помощи государства.

Почти половина из тех 20% граждан, о которых идет речь, не только демонстрирует гораздо более высокий по сравнению с другими россиянами уровень владения компьютером и автомобилем, работы с применением иностранных языков, но и постоянно пополняют свои знания: занимаются самообразованием, получают второе или третье высшее образование, овладевают новыми умениями. Для сравнения: никак не пополняли свой багаж знаний только 16% представителей среднего класса. Среди основной массы населения таких нелюбопытных набралось аж 64%.

Результат приходит быстро: 84% "среднеклассников" добились за последние 3 года чего-то существенного (получили повышение по службе, повысили свое благосостояние, изменили жилищные условия, открыли свое дело), в то время как среди основной массы населения подобными достижениями могут гордиться только 30% россиян.

Государство - успеху не помеха

Миф о том, что для прорыва к новому качеству жизни необходимо заниматься частным предпринимательством, доклад ИС РАН также развеивает. Больше всего "среднеклассников" (48%) работают сегодня в государственном секторе экономики, который за последние годы перестал быть непрестижным и гораздо менее доходным, чем частный. В последнем занята только четверть "средних", индивидуальной трудовой деятельностью занимается пятая их часть. Немаловажной особенностью отечественного среднего класса является присутствие в его составе весомой (15%) когорты твердых государственников: военнослужащих, сотрудников спецслужб, МВД и прокуратуры.

Не менее мифологизированным до последнего времени было и представление о мировоззрении и идеологии нашего среднего класса. С начала 1990-х годов усилиями демократов первой волны в массовое сознание настойчиво внедрялась мысль о том, что средний класс является чуть ли не авангардом демократии и либерализма. Отчасти это так, у большинства отечественных "среднеклассников" не вызывает сомнения, что такие безусловные на Западе ценности, как либерализм и индивидуализм, подходят и для России. Однако в роли главного хозяина в стране наши средние, по крайней мере в данный момент, предпочитают видеть государство. Они хотят, чтобы оно оставило за собой командные высоты практически во всех ключевых секторах экономики. А доля тех, кто хотел бы жить в обществе индивидуальной свободы или в обществе социального равенства, разделилась практически поровну (37 и 36% соответственно). Больше того, 2/3 добившихся успеха россиян ставят социальную справедливость выше интересов частного бизнеса. Иными словами, модель общества, которая представляется нашему среднему классу оптимальной, описывается формулой "сочетание рыночной экономики с сильным социально ориентированным государством".

Вывод, который делают ученые ИС РАН, однозначен: "Хотя российский средний класс имеет определенные мировоззренческие особенности по сравнению со своими западноевропейскими аналогами, в целом его мировоззрение и социальная психология вполне совместимы с современной рыночной экономикой, но не в столь популярном у российских элит неолиберальном, а скорее в левоориентированном варианте, близком к моделям развития, реализовавшимся в послевоенной Германии и ряде скандинавских стран".

Кто они, наши успешные?

1. Занимаются нефизическим трудом
2. Имеют высшее образование
3. Убеждены, что принадлежат к среднему классу
4. Высоко оценивают свои достижения
5. Рассчитывают на собственные силы
6. "Любят высовываться"
7. Ищут новое в работе и жизни
8. Готовы рискнуть и оказаться в меньшинстве
9. Владеют компьютером и автомобилем
10. Занимаются самообразованием

Георгий Ильичев

Где работают "средняки"

Государственный сектор 48%

Частный сектор - 24%

Приватизированные предприятия - 11%

Индивидуальная трудовая деятельность, иносферы, кооперативы - 17%

Нашему среднему классу не хватает всего лишь денег

[Георгий Ильичев](#)

Это изменение, произошедшее в рядах передового отряда [строителей рыночной экономики](#), зафиксировал Институт социологии Российской академии наук (ИС РАН). Правда, ученые сообщили во вторник на презентации аналитического доклада "[Городской средний класс](#) в современной России" и хорошую новость: среди нас на 4% стало больше тех, кому до попадания в ряды "среднеклассников" не хватает всего лишь одного признака. Сегодня это каждый третий городской житель. Правда, не хватает ему самого существенного — денег.

Но еще больше ученых тревожит снижение активности еще не окрепшего "среднего класса". Например, в 2003 году уровень своей квалификации повысили 42% его представителей. В прошлом году — только 29%. Причина та же — нет денег на платные курсы.

Появление очередного академического доклада вряд ли прекратит тянущиеся уже лет 15 споры о том, есть ли в нашей стране средний класс — опора и движущая сила развитого капиталистического общества, и если да, то сколько его. В данном случае ученые не стали заикливаться на том, по какой именно методике считать "среднеклассников", потому что в зависимости от выбранных критериев их количество может равняться и 2% (если судить по всей строгости, беря за пример уровень жизни на Западе), и 30%. В ИС РАН применили так называемый комплексный подход, при котором помимо уровня дохода, размера имущества, образования и профессионального статуса учитывается и самоидентификация человека, то есть относит ли он сам себя к среднему классу. Если считать таким образом, то получается, что сегодня в передовики капстроительства у нас уверенно можно включить 14% населения страны, причем среди жителей городов эта величина доходит до 20%.

Казалось бы, выглядит весьма достойно, вот только 3 года назад тот же ИС РАН по результатам аналогичного исследования (опрошены 1750 человек из 17 субъектов федерации, а также Москвы и Санкт-Петербурга) называл цифру в 25%. Что случилось?

— Все дело в инфляции, которая в "съела" значительную долю тех прибавок в доходах, которые получил средний класс, — пояснил "Известиям" директор ИС РАН Михаил Горшков.
— Ему же надо не только концы с концами сводить, но и вкладывать деньги в будущее,

инвестировать. Пока не получается.

Действительно, почти треть записавших себя в "среднеклассники" россиян заявили социологам, что денег на жизнь им хватает, а вот откладывать нечего. Но иначе и быть не может, потому что большинство отечественного "среднего класса" (54%) — "бюджетники". По словам Горшкова, ситуация может измениться в лучшую сторону в случае успешной реализации нацпроектов, которые предусматривают существенное увеличение зарплат именно для этой категории населения. Но в целом вывод академической науки неутешителен: "Та модель экономического развития, которую сегодня демонстрирует Россия, не дает объективных возможностей для сколько-нибудь серьезного увеличения в ней среднего класса, и изменить ситуацию может только быстрое развитие высокотехнологичных отраслей экономики и, в значительно меньшей степени, развитие среднего и малого бизнеса".

<http://www.izvestia.ru/russia/article3052351/>
«Известия» 24.01.07

Источник: ИС РАН

Директор Института социологии РАН Михаил Горшков: "В среднем классе сосредоточен колоссальный человеческий капитал предшествующих поколений"

известия: Правда ли, что средний класс в России не появился вдруг откуда ни возьмись, а представляет собой во многом результат деятельности предыдущих, еще советских поколений?

Михаил Горшков: В отличие от других слоев населения, в среднем классе аккумулирован колоссальный человеческий капитал предшествующих поколений, поскольку его представители являются в большинстве своем выходцами из наиболее образованной части "родительских поколений". Причем тенденция попадания в средний класс в первую очередь тех представителей определенных возрастных групп, которые происходят из наиболее образованных слоев населения, от поколения к поколению усиливается. Таким образом, происходит своего рода "замыкание" среднего класса, повышается его закрытость, что является тревожным симптомом.

известия: Возможно ли в ближайшее время расширение состава среднего класса?

Горшков: В сложившихся условиях расширение среднего класса как за счет его периферии, так и за счет отдельных представителей других слоев населения возможно в случае серьезного улучшения экономической ситуации в стране. Но оно может повлиять на качество человеческого капитала российского среднего класса в худшую сторону. Это связано с относительно меньшей распространенностью среди представителей периферии среднего класса прогрессивных образовательно-квалификационных стратегий, стремления к новым потребительским практикам и современных досуговых предпочтений.

известия: А национальные проекты? Может ли их успешная реализация привести к тому, что наши врачи и учителя, как и на Западе, войдут в состав среднего класса прежде всего по уровню доходов?

Горшков: Наиболее адекватным способом действий государства представляется выбор тех стратегических приоритетов развития России, то "направление главного удара", на котором необходимо сосредоточить имеющиеся ресурсы, в том числе и качественные человеческие ресурсы. В принципе при сохранении положительной динамики российской экономики численность среднего класса может возрасти в ближайшие годы до 30% населения за счет перехода в него части представителей периферии среднего класса. Но должен при этом заметить, что уровень дохода - это не самый главный критерий выделения среднего класса. Первичным все-таки является уровень профессиональной квалификации человека. Именно он ведет в конечном счете к соответствующему уровню материальной обеспеченности. Применительно к российской ментальности немаловажное значение имеют и социальные самоощущения, выраженные в понимании своего социального статуса. В этом смысле успешная реализация национальных проектов, инициированных президентом, безусловно, будет способствовать расширению и объективных, и субъективных границ российских "среднеклассников".